

35937

к

ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»
КАЗАХСКОЙ ССР

В. Я. БАСИН, Н. Е. БЕКМАХАНОВА,
Э. И. ГЕРАСИМОВА

ИСТОКИ ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЫ

Алма-Ата 1969

ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» КАЗАХСКОЙ ССР

9 (9) Каз

В. Я. БАСИН, Н. Е. БЕКМАХАНОВА,
Э. И. ГЕРАСИМОВА

Б27

ИСТОКИ ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЫ

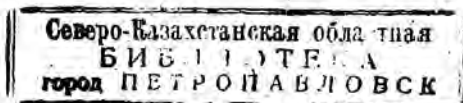
ББК
35937

Алма-Ата—1969

В брошюре рассказывается о развитии и становлении великой дружбы казахского и русского народов. На богатом конкретном материале говорится о сложном процессе консолидации единства взглядов и целей в борьбе против общего врага — царизма и местных эксплуататоров — баев и феодалов.

Показано совместное участие русского и казахского народов в национально-освободительном и антикрепостническом движении.

1-5-4
35-ТП-69-М

При характеристике истоков дружбы русского и казахского народов следует учитывать указание В. И. Ленина о том, что в недрах России, этой «великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии», девять десятых ее населения стремилось «свои отношения к соседям» основывать «на человеческом принципе равенства»¹. Важно и то, что, несмотря на явно колонизаторские цели царизма, продвижение русских в Казахстан носило прогрессивный характер. Клеймя грязь и мерзость царской администрации, К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с тем ценили действительно прогрессивную роль России по отношению к Востоку. 23 мая 1851 г. Ф. Энгельс в письме к К. Марксу писал, что «господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»²

Связи Казахстана с Россией уходят в глубь веков. Известно, что Россия издревле имела обоюдоинтересные отношения со среднеазиатскими и другими восточными государствами, причем именно казахская степь служила связующим звеном между окраинами России и среднеазиатскими оазисами.

Русские всегда в той или иной степени были осведомлены о событиях в Дашт-и-Кипчаке и имели постоянные сношения с его обитателями. В XIII—XV вв. они были известны как связи России с ногайцами и татарами. Вскоре после возникновения казахского этно-политического союза с ним уже стали устанавливаться дипломатические, политические и хозяйственные отношения, связанные, по-видимому, с необходимостью борьбы с Золотой Ордой, а затем и с Сибирским ханством.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 106—108.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, М., 1932, стр. 211.

В эпоху первого расцвета Казахского ханства, при хане Касыме (1511—1523 гг.) — сыне хана Джаныбека, объединившем под своей властью всех казахов в начале XVI в., уже существовали дипломатические связи России с Казахстаном. В то время русские знали о казахах как о храбром степном народе, героически противостоявшем постоянному нажиму жестоких правителей Бухары и Сибирского ханства. Уже тогда Казахстан по существу превратился в перевалочную базу для товаров, шедших с востока в Россию и обратно. С середины XVI в. дважды в году между Астраханью и Караганской пристанью на Мангышлаке ходили парусные «государевы бусы» (суда), на которых хивинские и бухарские купцы привозили свои товары в Астрахань. В XVI в. и вплоть до 40-х гг. XVIII в. связи России со среднеазиатскими оазисами осуществлялись из Астрахани, Гурьева, Тобольска и с берегов рек Тобола и Урала через травянистые на севере и пустынные на юге степи, через пески Приаралья и Қзылкумов, мимо казахских и каракалпакских аулов. До возникновения городов Оренбурга, Троицка и Омска Астрахань и Тобольск служили основными базами для отправки правительственных и частных караванов в Бухару.

Россия, заинтересованная в обеспечении безопасности пролежавших по территории Казахстана транзитных путей, по которым осуществлялись торговые связи со Средней Азией и другими восточными государствами, приняла ряд мер для укрепления дружественных отношений с Казахским ханством.

При направлении посольств в те или иные страны русское правительство дает задания об уточнении положения в Казахстане: действительно ли независим его хан или является вассалом, в каких взаимоотношениях он находится со среднеазиатскими ханствами и т. п. Это необходимо было знать еще до установления регулярных дипломатических отношений. Не случайно русские послы в своих «статейных» списках много места уделяли военному положению в казахской степи. В 1534 г. посол к ногаям Даниил Губин поставил в известность Ивана IV о том, что казахи с помощью русских заинтересованы пресечь силой оружия нападения со стороны Сибирского ханства.

Казахи постоянно нуждались в произведениях оседлой культуры, в хлебе и, особенно, в тканях, одежде. Эти то-

вары они постоянно получали из России и Бухары. Ногайский мурза Измаил писал своему брату Юсуфу в 1551 г.: «Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве; и только мне завоеваться с Москвою, то и самому ходить мне нагому, да и мертвым не на что будет саванов шить»¹.

Русское правительство постоянно добивалось активизации торговли со всеми странами. Торговля с казахской степью и среднеазиатскими государствами, особенно с середины XVI в., способствовала нормализации экономической жизни, что в свою очередь уменьшало возможности военных столкновений. Иначе говоря, развитие торговли укрепляло экономическую мощь стран.

После смерти хана Касыма созданный им некогда мощный казахский союз при его бездарных преемниках был ослаблен, начались усобицы и смуты, казахи терпели поражения от своих соседей, и затем казахский союз окончательно распался. Однако казахи не смирились с таким положением. Они вели борьбу за свою независимость, которую возглавил сын хана Касыма — Хакк-Назар. При Хакк-Назаре казахи уже представляли серьезную угрозу и для ногаев и для Сибирского ханства Кучума. Существенную военно-политическую силу видел в казахах и узбекский хан Абдулла, сын Искандер-хана, могущественный владетель Бухары. В то время казахские владетели добивались дружбы с Россией, стремясь использовать ее в борьбе со своими противниками, что подчеркивал в донесении Ивану Грозному в 1577 г. посол Борис Доможиров. «...Хакк-Назар, — писал он, — с царем и великим князем в миру»².

Казахи постоянно искали сильного и верного союзника. События, происходившие в степи, все больше убеждали их, что таким союзником может стать их северо-западный сосед — Россия, которая ко второй половине XVI в. превратилась в централизованное, а позднее — в абсолютистское государство. Взятие русскими войсками Казани в 1552 г. и сдача им без сопротивления Астрахани в 1556 г. приблизили границы России вплотную к казахской степи. Теперь можно было сосредоточить в руках русского государства подавляющую часть пути по Волге

¹ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 640.

² Продолжение древней Российской вивлиофики, с. XI. СПб, 1801, стр. 186.

и прибрежным степям. Ему был открыт свободный путь в Каспийское море и созданы условия для усиления торговли со среднеазиатскими и другими восточными государствами. Это способствовало тому, что в 60-х годах XVI в. активизируются дипломатические сношения с Казахстаном и Средней Азией. Развернувшаяся впоследствии оживленная переписка с русским правительством свидетельствует о взаимной заинтересованности в упрочении русско-казахских связей.

Однако на пути расширения русско-азиатских торговых отношений стояло Сибирское ханство во главе с ханом Кучумом, с которым у России особенно обострились отношения в 70-х годах XVI в. Русское правительство начало искать союзника в борьбе с ним. Им мог стать Казахстан.

Для упрочения связи с Казахстаном перед русскими посольствами ставилась задача установить численность населения в казахской степи, его основное занятие, состав и количество вооруженных сил, в каких отношениях находятся казахи с калмыками и другими народами. В ответ на просьбу казахского хана Тевеккеля о российском покровительстве царь Федор Иванович в 1595 г. направил к нему посольство во главе с Вельямином Степановым, что явилось наиболее крупным дипломатическим шагом в начальный период русско-казахских отношений. Преодолев многочисленные трудности, посольство Вельямина Степанова прибыло в казахскую степь, где ему был оказан пышный прием. В течение двух месяцев (с 30 мая по 30 июля 1595 г.) между Степановым и Тевеккелем велись длительные переговоры, сущность которых сводилась к необходимости развития русско-казахских связей. За это время русский посол ознакомился с положением дел в казахской степи, бытом, обычаями и нравами казахского народа, его интересами, познаниями и т. п. И хотя из-за сложившихся условий окончательное присоединение Казахстана к России произошло позднее, русское посольство Вельямина Степанова стало тем связующим звеном, которое способствовало осуществлению этой вековой мечты казахского народа.

В то же время русское правительство предпринимает ряд шагов по усилению связей с казахской степью и со стороны Сибири. Начало этому было положено в 1594 г. строительством города Тары на притоке Иртыша р. Тары

для пресечения набегов откочевавшего на юг Кучума за окрестности Тобольска.

Русские караваны досчаников (лодок) ходили вверх по Иртышу, а бухарские верблюжьи караваны направлялись через казахские степи в Европейскую Россию к Астрахани, Самаре и другим волжским городам. Бухарские торговые караваны спускались вниз по Иртышу в Сибирь, привозя с собой ткани, сухофрукты, которые обменивали на хлеб и пушнину. Из Тобольска торговый путь в Среднюю Азию шел через Иртыш к верховьям Ишима, а оттуда мимо гор Улугау на р. Сарысу до Туркестана, затем через р. Сыр-Дарью к Бухаре.

Значительную роль в укреплении русско-казахских связей сыграл город Гурьев, который по существу превратился во вторую (после Астрахани) перевалочную базу для купцов¹.

В XVII в. в России уже сложилось централизованное государство, а к концу века значительно укрепился его международный авторитет. Постепенно росло товарное обращение, небольшие местные рынки концентрировались в один всероссийский рынок. В России появилась своя крупная промышленность с металлургическими предприятиями, производившими железо-скобяные, чугунные и медные изделия, а также предприятия по производству изделий из стекла, бумаги и т. п. Казахи покупали у русских чугунные, железные и медные котлы, таганы, ковши, топоры, мотыги, косы, серпы, капканы, ведра, ножицы, стремена, удила, воронки, гвозди, замки, посуду, наперстки, пуговицы, листовое железо, прутковое олово, листовую медь, латунь-буру, квасцы и т. п. Это, разумеется, привлекало казахов к северо-западному соседю — Российскому государству. В то время Россия продолжала курс на увеличение размеров русско-казах-

¹ Коротко о создании этого города. В 1640 г. ярославский купец Гурий Назарьев со своими сыновьями Михаилом, Андреем и Иваном по Волге и Каспию добрались до устья Яика и основали рыбные промыслы, построили деревянный город, послуживший основанием будущего города Гурьева. Через пять лет московский купец Михаил Гурьев по указу Михаила Филаретовича начал строительство каменной крепости взамен деревянной, которая не выдерживала набегов яицких казаков. Каменная крепость была закончена в 1662 г. Возникший вначале как рыбацкий поселок, этот город сыграл значительную роль в развитии казахско-русских дипломатических отношений. См.: Вопросы истории Казахстана. «Ученые записки КазГУ им. С. М. Кирова», 1962, т. 53, вып. 9, стр. 247—248.

ской торговли и использование территории Казахстана в качестве транзита для торговли со среднеазиатскими и другими восточными государствами. Это обстоятельство было одной из причин сближения России с Казахстаном.

Между русским правительством и казахскими ханами продолжался обмен мнениями по вопросу о взаимной торговле. В частности, в октябре 1694 г. хан Тауке (1680—1718 гг.), который все свое правление посвятил сражениям с джунгарами, через своего посланца Тайкомура Колтубая Аталыкова сообщал Петру I о готовности возобновить дружественные отношения с Россией и необходимости усиления торговых связей между обоими государствами. Русское правительство заботилось об улучшении взаимоотношений со степью, направляя в Среднюю Азию и Казахстан свои посольства. В казахской степи только в 90-х годах XVII в. побывали посольства Андрея Неприпасова и Василия Кобякова, Федора Скибина и Матвея Трошина, которые собрали довольно интересные сведения о Казахстане.

В конце XVII — начале XVIII в. международное положение России настолько упрочилось, что, пожалуй, не было ни одного государства, которое не имело бы в Москве, а затем и в Петербурге постоянной дипломатической миссии. Именно в это время начался активный процесс присоединения Казахстана к России — великое событие в истории казахского народа. Но этот процесс был подготовлен всем ходом исторического развития казахско-русских отношений в XVI—XVII вв.

Петр I хорошо понимал, что Россия, занимающая очень выгодное географическое положение, может извлечь большие выгоды в случае развития торговли между Западной Европой и Азией. Он считал, что направление европейско-азиатской торговли через Россию должно благоприятно отразиться на преуспевании русской промышленности.

Казахстан в это время не представлял собой единого государства. Он был раздроблен на три не подчинявшиеся друг другу жуза со своими ханами. Не было единства и в самих жузах, в которых шла постоянная междоусобная борьба за власть, пастбища. Власть ханов была номинальной. К этому надо прибавить постоянную угрозу захвата казахских жузов со стороны агрессивного военно-феодалного государства Джунгарии. И когда эта

агрессия была начата, сразу же выявилась хозяйственная, политическая и военная слабость казахских жузов, результатом которой стал захват Джунгарией Старшего жуза и распад Младшего и Среднего жузов на мелкие владения во главе с постоянно враждовавшими между собой султанами и батырами.

С начала XVIII в. все более усиливается обмен посольствами между Россией и Казахстаном и другими восточными государствами. Посольство «дворянина Трушникова с казахами» в Северный Тибет в 1714—1716 гг., экспедиция 1719 г. для исследования озера Нор-Зайсан и Черного Иртыша под руководством Колмакова, Урусова, Сомова, двухкратная поездка в Джунгарию (в 1713 и 1720 гг.) в качестве посла Ивана Чередова, а также Унковского и Угрюмова (в 1723 и 1732 гг.) и другие внешнеполитические акции русского государства в отношении Средней и Центральной Азии объективно способствовали развитию дипломатических связей Казахстана и России, поскольку поддержание непосредственного контакта с ними делало неизбежными прямые контакты представителей русского правительства с казахскими владельцами.

Наряду с оживлением дипломатических отношений усилился взаимный обмен и торговыми миссиями, что способствовало развитию казахско-русских торговых связей. Это привело к тому, что уже к концу XVIII в. количество казахских купцов, торговавших с Россией, превысило число торговавших со Средней Азией. В XVIII в. торговые связи со Средней Азией имели 152 отделения, 26 родов с общей численностью до 217 тысяч семей. В то же время с Россией торговали казахи 220 отделений, 40 родов с общей численностью до 300 тысяч семей¹.

По сохранившимся документам известно, что первым казахским посольством в Россию в начале XVIII в. было посольство «хана Каипа и народа», направленное в Тобольск к сибирскому губернатору М. П. Гагарину в сентябре 1716 г. во главе с Бекбулатом Екешевым и Байдаулетом Буриевым. Они предлагали заключить военный союз с Россией для совместной борьбы с джунгарским владельцем и усиление торговли. В ответ в Казахстан

¹ С. К. Ибрагимов. Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в. «Ученые записки Института востоковедения», 1958, т. XIX, стр. 47.

были направлены русские посольства (Н. Белоусов, Б. Брянцев и др.). Главная цель их состояла в том, чтобы узнать, чем дышит степь, какое настроение у людей, какие там происходят события, каково положение казахских владетелей, пользуются ли они авторитетом, на какие пространства распространяется их власть.

Укрепляя русско-казахские связи, обе стороны стремились разрешать споры мирным путем, сохраняя дружественный союз.

Известно, что одним из факторов, тормозивших развитие экономики Казахстана, являлась внешнеполитическая опасность, которую можно было устранить лишь путем укрепления экономических связей с государством, стоявшим на более высоком уровне экономического и культурного развития. Хан Абулхаир и его окружение уже в начале XVIII в. понимали, что таким государством является Россия. Вот почему тема борьбы с джунгарами и просьбы об оказании Россией помощи в этом деле не сходят со страниц писем, которые и впредь направляли ханы Каип и Абулхаир русскому правительству. Эта же тема являлась главной в заданиях казахским посольствам, направляющимся в Россию. Однако казахские господствующие группировки захлестывали усобицы, борьба за первенство в крае, за ханскую власть, нередко завершавшиеся вооруженными столкновениями. Все это ослабило Казахстан, и, когда хорошо подготовленные к военным действиям джунгары напали на казахскую степь, казахи, по существу, оказались не подготовленными к отпору. Именно на это обстоятельство обратил внимание в мае 1734 г. начальник Оренбургской комиссии И. Кириллов в своем представлении Анне Иоанновне, указав, что когда Старший, Средний и Младший жузы жили между собой в согласии, то владели богатыми провинциями и городами Туркестаном, Сайрамом, Ташкентом и пространствами, прилежащими к Сыр-Дарье. Когда же в жузах начались распри, то у них все эти владения отняли.

В 1722 г. после возвращения из персидского похода Петр I, находясь в Астрахани, высказал желание о приведении в русское подданство «издревле слышимых и в тогдашнее время почти неизвестных обширных киргиз-кайсацких орд». По сведениям А. Тевкелева, Петр I, будучи в персидском походе, дал очень меткое и образное

определение значения Казахстана в русской политике, сводившееся к тому, что он служит ключом ко всем азиатским землям и странам и что для России очень выгодно взять его под свое покровительство. Россия также рассчитывала в случае присоединения Казахстана использовать его вооруженные силы в моменты обострения международной обстановки. К этому надо прибавить, и это весьма существенно, что русское государство стремилось удовлетворить свою заинтересованность в казахском скоте и сырье.

После смерти Петра I (1725 г.) связи России с Казахстаном, Средней Азией и другими восточными государствами несколько ослабели. К 30-м годам они активизировались, но в основном уже в сторону зауральских степей. К этому времени казахи потерпели сокрушительное поражение от джунгар, вылившееся в великое бедствие для всего народа. Отдельные победы казахов над джунгарами не спасли положение. Возникла угроза для самого существования казахского народа. Единственный выход, который видели казахи в этой тяжелой для них обстановке, в особенности обострившейся к 30-м годам XVIII в., было принятие русского подданства. От решения этого вопроса по существу зависела дальнейшая судьба казахского народа, а поэтому ходатайство о принятии подданства становится основной задачей казахских посольств к русскому правительству и русско-казахской дипломатической переписки. Это знаменовало собой наступление качественно нового этапа в отношениях между Казахстаном и Россией. В этот период начинается бурная переписка и обмен послами между русским правительством и казахскими владетелями.

Еще в начале 1726 г. в Петербург было направлено посольство Абулхайра во главе с Койбагаром Кобековым с задачей добиться «протекции» России. Однако миссия Койбагара Кобекова окончилась неудачно. Русская Коллегия иностранных дел считала, что принятие казахов в русское подданство в то время повлекло бы за собой в обстановке откочевки казахов к среднеазиатским границам серьезные осложнения во взаимоотношениях с Джунгарией.

Несмотря на неудавшуюся попытку, Абулхайр продолжал принимать самые энергичные меры, чтобы добиться русского подданства. 30 апреля 1730 г. Абулхайр

через своих посланцев Сейткула Койдагулова, Кутлым-бега Коштаева «с товарищи» (всего 8 человек) направил письмо Анне Иоанновне с просьбой принять его с подвластными ему людьми в российское подданство. «...Мы, Абулхайр-хан, — говорилось в письме, — с подвластным мне многочисленным казахским народом Среднего и Малого жузов, все преклоняемся перед Вами, являемся Вашими слугами и все вместе с простым народом желаем Вашего покровительства и ожидаем Вашей помощи, чтобы с подданным Вам башкирским народом, находящимся за Уралом, жить в согласии»¹.

Ориентация казахских правителей на Россию как «выгодного сюзерена-покровителя» являлась единственным выходом из создавшегося тяжелого положения для казахского народа в связи с внешнеполитической опасностью и внутренними распрями. Объективный ход развития Казахстана привел самые различные слои казахского народа к убеждению в необходимости и целесообразности принятия российского подданства. В конкретных условиях эта политика являлась единственно правильной, отвечавшей требованиям дальнейшего развития казахского общества.

В то же время русское правительство имело в виду, что принятие казахами подданства России (кроме всего прочего) создаст условия, при которых казахи должны будут выполнять различные поручения военного характера. В частности, казахских ханов рассчитывали использовать для подавления башкирских и калмыцких восстаний, ибо, как указывал Ф. Энгельс, «натравливать народы друг на друга, использовать один народ для угнетения другого, чтобы таким образом продлить существование абсолютной власти, — вот к чему сводилось искусство и деятельность всех существовавших доселе правителей и их дипломатов»².

Русское правительство рассчитывало, что принятие казахов в русское подданство обезопасит юго-восточные границы Российского государства. Нельзя не учитывать и того, что с присоединением Казахстана к России правительство рассчитывало на возвращение русских пленных.

Наиболее крупным дипломатическим шагом россий-

¹ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. (Сб. док. и мат.). Алма-Ата, 1961, стр. 85.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 160.

ского правительства в отношении Казахстана явилось посольство А. Тевкелева для сообщения казахам Младшего и Среднего жузов о принятии их в состав России и приведении к присяге на российское подданство. Оно выехало из Москвы 30 апреля 1731 г., а 4 июля 1731 г. прибыло в Уфу, где ему было придано 60 человек, 200 лошадей и 12 верблюдов. Прежде всего надо было определить более краткий и точный маршрут посольства. Для этого встречались со старожилыми, хорошо знающими местность и не раз ездившими в казахскую степь. Расспрашивали людей, непосредственно знавших хана Абулхаира, его приближенных и пользовавшихся у него доверием.

7 июля к А. Тевкелеву явился башкир Алдарбай с знатым представителем, приближенным хана Абулхаира Махомед-ходжой. Они сообщили Тевкелеву о том, что ставка Абулхаира находится в районе рек Тургая и Иргиза (по тому времени пять-шесть недель пути от Уфы), и подтвердили его желание принять российское подданство. Для встречи и охраны русского посольства хан Абулхаир снарядил отряд во главе со своим сыном Нуралы и зятем султаном Батыром. В ставку Абулхаира в урочище Мантюбе, недалеко от реки Иргиза, А. Тевкелев прибыл 5 октября 1731 г. в сопровождении почетного эскорта и охраны из 200 казахов во главе с султаном Нуралы.

Во время нахождения в Младшем жузе посольства Тевкелева выяснилось, что Абулхаир яросил о российском подданстве единолично, без совета с другими казахскими ханами, султанами и старшинами. Выяснились и причины, которые побудили Абулхаира к этому. По мнению Абулхаира, если бы он в своем обращении к императрице Анне Иоанновне о российском подданстве сообщил, что он сам, без согласия казахской феодальной верхушки, желает принять российское подданство, то, возможно, правительство России и не пошло бы на этот шаг и не направило бы к нему А. Тевкелева.

Преодолев значительные трудности, посольство Тевкелева возвратилось в Уфу 2 января 1733 г. Кроме сына хана Абулхаира — султана Ералы и нескольких старшин, отданных в аманаты, на руках у А. Тевкелева были присяги казахов Младшего и, частично, Среднего жузов на российское подданство. Посольство Тевкелева способствовало тому, что ярче стали видны перспективы казах-

ско-русского сближения, нагляднее проявились противоречия в казахском обществе, определилась расстановка сил, лучше стали видны силы, стремившиеся к российскому подданству и противостоящие ему, а также отношение к российскому подданству широких народных масс.

Сведения о посольстве Тевкелева, как эхо, прокатились по всей казахской степи, дошли до кочевий Старшего жуза, в результате чего в конце 1733 г. посланцы Старшего жуза Аралбай и Аразгельды прибыли к хану Абулхаиру с просьбой, чтобы он ходатайствовал перед Анной Иоанновной о принятии Старшего жуза в русское подданство. В то же время султаны и бии Старшего жуза Коадар-бий, Тюля-бий, Сатай-батыр, Кангильди-батыр и Буляк-батыр обратились с посланием непосредственно к Анне Иоанновне с просьбой о принятии их и всей орды в подданство русское. Это была первая попытка со стороны Старшего жуза войти в состав России. 10 июня 1734 г. Анна Иоанновна подписала указ о принятии казахов Старшего жуза в российское подданство. Однако в связи со сложностью международной обстановки и отдаленностью Старшего жуза от России в то время попытка эта не увенчалась успехом. Один из активных сторонников принятия русского подданства, хан Жолбарыс, был убит в Ташкенте в 1740 г.

Присоединение Казахстана к России носило прогрессивный характер. Но при этом нельзя забывать, что одновременно казахский народ подвергался колониальному гнету со стороны царизма и его основной опоры — помещиков. Политика царизма в Казахстане преследовала определенные классовые цели. Так, при проведении земельной политики царское правительство совершенно не считалось с внешнеполитическими обстоятельствами и внутрифеодальной борьбой, в результате чего казахи потеряли свои старые места кочевок в южных районах Казахстана. Вынужденные кочевать вдоль Яика, казахи пытались использовать земли на его правобережье и по берегу Каспийского моря, особенно в зимний период. Но царское правительство, не считаясь с земельной теснотой у казахов, указом И. Неплюева в 1742 г. и законом, подписанным императрицей Елизаветой в 1756 г., запретило населению Младшего и Среднего жузов перегонять скот через Яик и Иртыш, в низовья Ишима и Тобола, предварительно укрепив пограничный район цепью воен-

ных поселений. Была установлена запретная десятиверстная пограничная полоса. Насильственные акты колониальной администрации вызвали у населения казахских степей справедливое возмущение, вылившееся в цепь крупных восстаний в конце XVIII в. Знаменательным событием в жизни Казахстана XVIII в. было участие казахов Младшего и Среднего жузов в крестьянской войне (1773—1775 гг.) под предводительством Е. И. Пугачева. Причины, побудившие казахов принять участие в крестьянской войне, были общими для всех угнетенных народов царской России, а их совместная борьба была направлена против гнета самодержавия и прежде всего на решение земельного вопроса. Дружба, зарождавшаяся в период совместных походов и сражений, борьбы плечом к плечу казахов с воинами многонациональной армии Пугачева против самодержавно-крепостнического строя, крепила эту братскую связь¹.

Восстание в Казахстане началось под влиянием манифестов Пугачева и агитации его посланников, что в совокупности с внутренними причинами способствовало активному участию казахов в крестьянской войне. Еще до начала восстания, в конце августа — сентябре 1773 г., Пугачев лично побывал в кочевьях Младшего жуза, интересовался положением казахов, надеясь заручиться их поддержкой раньше чем поднимать яицких казаков. Осенью Пугачев посетил казахские аулы тайно, опасаясь разглашения его планов до начала восстания. Но в декабре он вновь прибыл в Младший жуз в сопровождении большого отряда в 400 человек. В отряде были русские, чувашы, черемисы, башкиры, татары, калмыки. Этим пестрым составом своего отряда Пугачев хотел наглядно показать, что если вначале, в первые месяцы, движение было казачьим, то теперь оно становится многонациональным. Казахи отметили эту разницу, что, без сомнения, сказалось на их дальнейшем участии в крестьянской войне. Важно и то, что Пугачев обратился к казахам с

¹ Восстание Пугачева и участие в нем наряду с русскими других народов России привлекли внимание крупных ученых, литераторов. А. С. Пушкин в 1833 г. совершил поездку по местам пугачевского движения, близко познакомился с жителями казахских степей. В «Истории Пугачевского бунта» приведены им собственные наблюдения и выводы, а также фактический материал, отражающий участие казахов в крестьянской войне и близость ее целей их интересам.

воззванием, в котором он обещал им в случае победы землю, воду, леса, оружие, свинец, одежду, всякие съестные припасы и деньги.

Некоторые казахские отряды не были организационно связаны с армией Пугачева, но их выступления проходили под влиянием начавшегося восстания и оказали повстанцам значительную помощь своими действиями против военных гарнизонов по линии укрепления вдоль Яика и Иртыша и против правительственных войск. Влившаяся в армию Пугачева часть казахских отрядов принимала участие в ряде крупнейших сражений. Так, на нижних яицких форпостах, у Кулагиной крепости, под Яицким и Гурьевым городками действовал казахско-казачий отряд, возглавляемый сподвижниками Пугачева — атаманом М. Толкачевым и татаринном А. Тангаевым. По заданию Пугачева Толкачев должен был склонить нижнеяицких казаков на сторону восставших, а Тангаев — добиться не только содействия, но и конкретной помощи от казахов, кочевавших у линии. Толкачев и Тангаев сумели набрать значительный отряд казаков и казахов и с его помощью взять Кулагину крепость, где был казнен командующий нижнеяицкими казаками атаман Никита Бородин с близкими помощниками. Затем этот отряд отправился к Яицкому городку и начал с конца декабря 1773 г. его осаду.

Пугачев рассчитывал в случае неудачи найти в массе трудящихся казахов верного союзника. Он неоднократно говорил своим единомышленникам, что «эта орда, которая здесь кочует, она нам рада будет, и она нас встретит и проводит»¹. Царское правительство также предвидело это обстоятельство, и князь Потемкин предупреждал сибирского губернатора Чичерина о возможности ухода Е. И. Пугачева в казахские степи: «...То статья может, не вознамерится ли он укрываться в киргизской степи, так как есть показание от вышедших из плена, что киргизцы ему доброхотствуют, которых наглость и набеги по линии несовершенно пресекались»².

Принимали участие казахи в осаде Орска и в событиях у Гурьева, где они поддержали восставший местный гарнизон и пришедшего им на помощь атамана А. Овчин-

¹ Материалы об участии казахов Младшего и Среднего жузов в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева. «Ученые записки КазГУ», 1963, т. 54, стр. 195.

² Там же, стр. 200.

никова. У стен Оренбурга и в прилегающих районах действовало несколько тысяч казахов. Отряды их достигали 100 и более человек. Часть этих отрядов входила в кавалерийские полки армии Пугачева, которая строилась по казачьему принципу. Один из отрядов входил в полк яицких казаков, которым командовал атаман А. Овчинников. Были также смешанные по национальному составу отряды (например, казахско-калмыцкий). Казахи принимали участие не только в осаде крепостей, но и контролировали дороги, ведущие к Оренбургу, а в марте 1774 г. сражались с правительственными войсками на самарской дистанции и у Татищевой крепости.

Пугачев, сняв осаду с Оренбурга, отошел со своей армией в Башкирию. Часть казахских отрядов, бывших с ним под Оренбургом, осталась в приицких степях, другие последовали с армией повстанцев в Среднее и Нижнее Поволжье, участвовали во взятии Казани, Пензы, Саратова. В августе 1774 г. армия Пугачева была разбита под Царицыном, после чего казахские отряды рассеялись по степи, а частью пошли за Пугачевым к Красноярску вниз по Волге, где, переправясь на лодках или вплавь, ушли в приицкую степь.

Восстание в Казахстане разгоралось, его пламя еще два года после побега Е. И. Пугачева бушевало в степях.

Столетиями жила и живет память об этом восстании и его руководителе Е. И. Пугачеве у казахского народа. Сохранились мемуары сподвижника Пугачева казаха Карима. Его воспоминания отражают чувства казахского народа к Пугачеву: «Петрусь (Пугачев. — Авт.) часто призывал старшин киргизов к себе и подолгу с ними беседовал. Беседы эти велись в дружественном тоне... на киргизском языке... Он в этом случае был с киргизами очень прост. Обходительность его с нами была поразительно легкая... Когда ему нужно было воодушевить киргизов в задуманном им деле, тогда он постоянно обращался к нам с такой речью: «Мой возлюбленный народ! Бог избрал тебя для моего дела потому, что ты любим им, что твое великое будущее впереди... Я надеюсь на вас, как на самого себя, я уверен в вас, что вы мне станете служить верой и правдой, что не измените присяге, которую принимали мне»¹.

¹ С. И. Глебов (Гнедич). Е. Пугачев. СПб, 1900, стр. 80—82.

45937

Прямым продолжением крестьянской войны, ее завершающим этапом можно рассматривать восстание Срыма Датова (1783—1797 гг.), длившееся более 14 лет. Оно было сложным по социальному составу, но основной его движущей силой, как и в восстании Пугачева, оставались казахские шаруа, боровшиеся за уничтожение социального и колониального гнета. Результатом этого восстания можно считать ликвидацию ханской власти в Младшем жузе и издание указа от 27 августа 1782 г., по которому казахи получали право на земли в междуречье Яика и Волги, за Иртышом, в низовьях Ишима и Тобола, правда при условии договора с владельцами земельных участков и внесении определенной денежной платы. Аналогичной политики царское правительство придерживалось и по отношению к населению Среднего казахского жуза, где земельные ограничения в районе рек Ишима, Иртыша и Тобола были сняты в 1772 г. и в период крестьянской войны. Учитывая внутреннее и внешнеполитическое положение этой части Казахстана, русское правительство решилось на реорганизацию управления здесь лишь в 1822 г. с введением в жизнь «Устава о сибирских киргизах» М. Сперанского.

Но значение участия казахов в крестьянской войне 1773—1775 гг. нельзя ограничивать только перечисленными результатами. Последствия восстания Пугачева в Казахстане были гораздо шире. Антикрепостнический характер крестьянской войны способствовал и размежеванию классовых сил внутри казахского общества. Начиная с 1775 г. и затем в 80-х годах XVIII в. в период движения Срыма Датова антифеодальная волна выступлений казахских шаруа становится все шире. Именно восстание Пугачева помогло значительной части казахского крестьянства увидеть противоположность интересов трудящихся масс и их феодальной верхушки.

Кроме того, если сложная внешнеполитическая обстановка в первой четверти XVIII в., тяжелые войны с Джунгарией и другие причины явились первым толчком к сближению казахского и русского народов, то крестьянскую войну 1773—1775 гг. можно считать вторым и более мощным толчком. До восстания Пугачева казахско-русские связи носили в основном дипломатический и лишь частично экономический характер. Теперь же, в период совместной борьбы, вступили в непосредственное сопри-

косновение громадные массы многонационального крестьянства России. Общие цели и опыт борьбы наложили неизгладимый отпечаток на будущее развитие судеб казахского народа, способствовали еще большему сближению его с братским русским народом. В этом можно видеть историческое значение крестьянской войны 1773—1775 гг. для казахского народа.

Боевые традиции совместной борьбы казахского и русского народов против общего врага были продолжены и в последующий период. Казахи участвовали в Отечественной войне русского народа 1812 г.

Особое место в развитии дружественных контактов между казахским и русским народами принадлежит торговле. Еще Петр I считал торговлю наиболее действенным средством хозяйственного освоения восточных окраин. Но намерения Петра I были осуществлены лишь с присоединением Казахстана к России. Вдоль русско-казахской границы возникают торговые пункты, в больших крепостях устраиваются ярмарки. С организацией в 1737 г. Оренбургской комиссии, которую возглавил В. Н. Татищев, были предприняты новые меры по налаживанию торговли. Большое внимание уделялось как меновой, так и внешней торговле. «Внешней заграницы торг наибольшее богатство и пользу приносит», — писал В. Н. Татищев. Поэтому он считал необходимой для России торговлю не только с Западной Европой, но также со Средней Азией (Бухарой, Хивой, Ташкентом), Персией и Китаем¹. Он пытался организовать широкое поступление русских промышленных товаров в Оренбург и вывоз их в Среднюю Азию. В 1738 г. организуется суд, занимавшийся урегулированием дел и споров между русскими купцами и казахами. В состав суда входили русские чиновники и старшины из Младшего и Среднего жузов по одному от каждого. Значительное внимание уделялось русским правительством развитию хлебной торговли с казахами, что было взаимовыгодным делом. В 1759 г. была отменена пошлина на хлеб, правительство поощряло привоз хлеба в Оренбург и другие города укрепленной линии. Правительство надеялось, что хлебная торговля с казахами должна приучить их к употреблению хлеба, к земледелию и связанной с ним оседлости.

¹ В. Н. Татищев. О купечестве и ремеслах. «Исторический архив», 1951, т. VII, стр. 418.

Развитие торговли способствовало расширению сети дорог в Казахстане, имевших также стратегическое значение. Ф. Энгельс в работе «Успехи России на Дальнем Востоке» подчеркивал, что постройка русскими почтовых линий через казахскую степь является примером их созидательного труда, свидетельствует о прогрессивном значении России в деле цивилизации народов Востока¹. Постройка новых русских поселений, дорог, развитие торговли создали основу для постоянной связи трудового казахского и русского народов, для благоприятного социально-экономического и культурного сближения с Россией.

В XVIII в., когда западные и северные районы казахской степи становятся составной частью России, утверждается мнение, что изучение этих районов и их населения является непосредственной и прямой задачей русской науки. Со второй половины XVIII в. начинается исследование территории и природных богатств Казахстана сначала офицерами Генштаба, а затем учеными. Строятся линии укреплений, служивших не только стратегическим, но и экономическим целям. В дальнейшем линейные города стали центрами общественной жизни Казахстана, крупнейшими торговыми пунктами. Отсюда снаряжались экспедиции, изучавшие Казахстан.

А. Бекович-Черкасский, В. Урусов, Е. Мейер детально изучили географию Каспийского моря и прилегающих к нему районов. Ученые И. Георги, И. Фальк, А. И. Левшин и П. Рычков собрали не утратившие значения и по настоящий день историко-географические сведения о Казахстане. Трехтомный труд А. И. Левшина явился венцом научного изучения казахов в России в эпоху феодализма.

Большая заслуга в исследовании западной казахской степи принадлежит Г. С. Карелину. Первое путешествие Карелина относится к 1826—1827 гг., когда он вместе с А. Э. Эверсманом совершил поездку во Внутреннюю Букеевскую орду. Здесь же путешественник познакомился с ханом Джангером и был приглашен на должность преподавателя и советника. Это создавало ему прекрасные условия для непосредственного общения с казахами, оказывающими помощь в проведении научных исследований. В то же время должность советника обеспечивала 4 тысячи рублей в год. Благодаря кочевому образу жи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI. ч. 1, стр. 372.

ни Г. С. Карелин произвел топографическую съемку, изучил флору и фауну Рын-песков, этнографически описал западную ветвь казахского народа, составил подробную карту Букеевской орды.

После окончания этого путешествия последовали новые. Наиболее известной является экспедиция по изучению слабоисследованного северо-восточного берега Каспийского моря и прилегающих к нему территорий. Г. С. Карелин писал по этому поводу в путевом журнале: «...Северо-восточные берега Каспийского моря никогда не были обозреваемы с тем вниманием, коего по географическому своему положению заслуживают. Весьма немногие из мореходцев и то мимоходом заглядывали в сии пустынные места. Ни один естествоиспытатель не посетил берега, включенные между Гурьевом и старым Мангышлаком на протяжении слишком 900 верст». В начале казахское население встретило русских с недоверием. Карелин вспоминает: «Киргизы Адаевского рода встретили было нас грозно, с шумом и страшною суматохою; но дело обошлось без хлопот, и к счастью, ибо берег расположен самым невыгодным для десанта образом. Потолковав немного... ордынцы... начали въезжать на скалы; немногие смельчаки могли нас слышать. Мне удалось успокоить их, растолковав о цели нашего прихода и ожидающих их больших выгодах. Узнав, что мы имеем многие предметы для меня, один старшина ко мне приблизился. Я обласкал, одарил его, и таким же образом поступил с ободренными его товарищами... Киргизы, — продолжает Карелин, — помалу начали с нами дружиться, привозили на мену разные вещи, пригоняли баранов, но лошадей и верблюдов не продавали, вероятно по общему предварительному соглашению, чтобы отнять у нас средства разъезжать по дальним местам. 5-го числа начали отдавать верблюдов внаймы для перевозки провианта. Приметя их опасение, чтобы мы не забрались в аулы, я ободрил их, и в первое воскресенье, когда, вопреки запрещению, охотники наши забрались в аул, наказал их в присутствии 38 ордынцев... Наконец, успокоенные ордынцы продали нам... лошадей».

Г. С. Карелин неоднократно в своих рапортах отмечал почетного бия Адаевского рода Мая Анетова, который оказывал экспедиции разные услуги вместе с другими старшинами, искавшими «покровительства России против

утеснений от хивинцев». Экспедиция Карелина к северо-восточным берегам Каспийского моря в научном отношении имела особенно большое значение. Большой интерес представляет дневник путешественника, опубликованный в 1883 г.¹

Представители русской демократической культуры всегда интересовались жизнью и творчеством казахского народа и проявляли к нему большое и искреннее сочувствие. А. С. Пушкин в 1824 г. познакомился с А. И. Левшиным и его трудами о казахском народе. В 1827 г. поэт опубликовал статью А. И. Левшина «Об имени киргиз-кайсацкого народа и отличии его от подлинных или диких киргизов». Несколько позже, в 1831 г., А. С. Пушкин поместил в «Литературной газете» все письма из большого сочинения А. И. Левшина под названием «Этнографические известия о киргиз-кайсаках или киргиз-казахских ордах». В «Литературной газете» часто печатались и другие, преимущественно художественные произведения о казахском народе. Знание истории и этнографии казахского народа пригодилось А. С. Пушкину во время его работы над «Историей Пугачевского бунта». Осенью 1833 г. он в сопровождении В. И. Даля совершил поездку по пугачевским местам в Оренбургском крае. По-видимому, поэт побывал в казахских аулах. Его интересовало участие казахов в восстании Е. И. Пугачева, а также этнография и поэзия казахского народа. Чтобы иметь возможность непосредственно общаться с казахами, он заучивал некоторые общеупотребительные казахские выражения. По просьбе А. С. Пушкина для него была написана в кратком русском изложении казахская народная поэма «Козы-Корпеш и Баян-Сулу».

Правдивый показ культуры и быта казахского народа, распространение о нем достоверных сведений, сочувствие к его положению, призыв к просвещению казахов и улучшению их жизненных условий — вот что характеризовало передовую русскую мысль того времени.

К середине XIX в. крупнейшие экспедиции по Казахстану возглавляли Е. П. Ковалевский, Н. А. Северцев, В. П. Васильев, Н. В. Ханьков, Гернгросс, П. П. Семенов-Тяньшанский, Г. И. Данилевский, А. И. Макшеев,

¹ Г. С. Карелин. Путешествие по Каспийскому морю. «Записки РГО по общей географии», 1883, т. X.

А. И. Бутаков, М. Поспелов, В. И. Даль, П. И. Небольсин и другие. Эти путешественники изучали природу Казахстана, культуру и быт его народа, занимались геодезическими съемками и картографией. Так, А. И. Бутаков сделал съемку Аральского моря, бассейнов рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, а также собрал о них ценнейший материал.

В 1845 г. было образовано Русское географическое общество. Его отделения в Оренбурге, Омске, Семипалатинске развернули разностороннюю работу. Деятельность этого учреждения протекала в 1845—1861 гг. в условиях предреформенной обстановки, в тесной связи с социально-экономическим развитием России.

В 1856—1857 гг. восточные и юго-восточные окраины казахской степи посетил выдающийся ученый П. П. Семенов-Тяньшанский (1827—1914 гг.). Тесное и дружелюбное общение с местным населением и некоторыми деятелями и офицерами колониальной администрации, прежде всего с Ч. Ч. Валихановым, создали русскому путешественнику необходимые условия для сбора научных материалов и работы. Казахский ученый Ч. Ч. Валиханов и русский путешественник Г. Н. Потанин многим обязаны П. П. Семенову-Тяньшанскому, который сумел оценить их, помог им продолжить образование и найти свое призвание.

Русское географическое общество — первая база научно-исследовательской работы в Казахстане. Оно положило начало разностороннему изучению края и систематическим публикациям о нем, которые привлекали внимание передовой общественности России. Н. Г. Чернышевский высоко оценил двухтомный труд К. Ф. Свенска о путешествиях и географических открытиях в Казахстане, картографические труды Н. В. Ханыкова и исследование П. И. Небольсина¹.

В 1832—1841 гг. в Оренбурге при генерал-губернаторе В. А. Перовском служил чиновником особых поручений видный русский ученый-диалектолог, этнограф и писатель В. И. Даль. Здесь он выступил инициатором организации группы русской интеллигенции, обсуждавшей на своих еженедельных заседаниях краеведческие вопросы. Он же был одним из основателей «Музеума естественных произведений Оренбургского края», который под его влиянием

¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. III. М., 1947, стр. 451—453.

с 1839 г. стал пополняться этнографическими коллекциями. На базе «музеума» уже в советское время был организован Центральный музей Казахстана. В. И. Даль постоянно общался с казахским населением. Трудно назвать уголок казахских степей Оренбургского ведомства, в котором бы не побывал неутомимый исследователь. Русский ученый быстро завоевал большой авторитет среди казахов. Он относился к ним дружески, правдиво, с пониманием местных социально-экономических отношений, не чуждался тесного общения с казахской беднотой. Не случайно Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов в письме к В. А. Перовскому просили прислать Даля для расследования причин восстания в Букеевской орде.

В 1839—1840 гг. В. И. Даль, будучи участником Хивинского похода, побывал в бассейне среднего течения Эмбы и в Северном Приаралье. В его письмах, написанных из похода, много теплых слов о казахах. Он рассказывал в них о дружеской любви казахов, о помощи, оказанной ими русским войскам. Несмотря на трудности похода и большую занятость по службе, Даль продолжал вести научные исследования, беседовал с казахами (он знал казахский язык), собирал этнографические материалы, записывал поэмы, песни, сказки. Повести Даля на казахские темы были высоко оценены его современниками. В. Г. Белинский, характеризуя его как знатока многонациональной России, писал: «Многие произведения В. И. Даля очень занимательны, легко читаются и незаметно обогащают вас такими знаниями, которые, вне этих рассказов, не всегда можно приобрести и побывавши там, где бывал Даль»¹. По мнению Белинского, Даль «особое внимание обращает на простой народ, и видно, что он долго с участием изучал его, знает его быт до мельчайших подробностей»². В. И. Даль сделал немало для изучения жизни казахов. В 1842 г. он передал в Азиатский музей свои статьи, письма, собрание народных сказок, рассказы, которые играли большую роль в изучении культуры и быта казахского народа.

Вопреки реакционным действиям царизма русские ученые стремились тщательно и объективно исследовать

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, 1955, стр. 82.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XI, 1956, стр. 260.

жизнь казахского народа. Они накопили интересные научные материалы, а в конце XVIII в. от простого собирательства перешли к обобщающим трудам.

Успех экспедиций, отдельных ученых и путешественников во многом был предопределен той посильной помощью, которую им оказывало местное казахское население. Оно помогало снабжать экспедиции продовольствием, выделяло им опытных переводчиков, проводников, хорошо знавших географические особенности края, знакомивших путешественников со своеобразной культурой и бытом казахского народа. В совместных трудовых буднях постепенно преодолевались отчужденность и недоверие казахов к пришельцам из России. Первые русские экспедиции способствовали возникновению взаимопонимания между казахами и русскими.

Благодаря крупному русскому востоковеду И. Н. Березину стало известно о выдающемся сочинении казахского ученого Кадаргали Хошум Жалаира, жившего с 1588 г. в Москве, а потом в Касимове. И. Н. Березин опубликовал это сочинение в 1854 г. во втором томе сборника «Библиотека восточных историков» под названием «Сборник летописей». Жалаир в своей рукописи «Джами'ат-таварих», законченной им в 1602 г., подвел некоторые итоги историко-этнографического изучения казахского народа в России. Это интереснейшее историко-этнографическое сочинение на казахско-чагатайском языке, написанное, как утверждает И. Н. Березин, по просьбе Бориса Годунова. В 1825 г. оно было приобретено библиотекой Казанского университета. В настоящее время стало известно, что это сочинение весьма интересовало и крупнейшего казахского ученого Ч. Ч. Валиханова. В то время он ставил его на первое место среди источников сведений о прошлой жизни казахов и перевел на русский язык наиболее интересные для истории казахского народа отрывки из «Сборника летописей». Труд Жалаира служит исключительно важным источником по истории и этнографии казахского народа XIV—XVI вв. Поскольку он написан в Москве при поддержке и в интересах правительства, есть основания считать, что, кроме сочинения Рашид-ад-дина и других рукописей восточных авторов, уже известных в России, автор широко использовал материалы московских архивов, в частности из царского архива «Книги и списки казатские при Касыме-царе»,

впоследствии утерянные. Следовательно, «Сборник летописей» в известной степени можно рассматривать как синтез некоторых русских историко-этнографических сведений о казахском народе XIV—XVI вв.

Большую роль в упрочении русско-казахской дружбы сыграли идеи передовых просветителей русского народа, среди которых значительное место занимают декабристы. В истоках русского освободительного движения В. И. Ленин видел выступление декабристов. Значение этого выступления очень велико не только для России, но и для ее национальных окраин. В важнейших документах — «Русской правде» и «Конституции», — разработанных руководителем Северного общества П. Пестелем и руководителем Южного общества Н. Муравьевым, уделялось внимание «кочующим племенам», в том числе и казахам. П. Пестель и Н. Муравьев хотели видеть кочевые народы в будущем равноправными со всеми народами России. В «Русской правде» Пестеля имеются интересные разделы о казахам. Писатель располагал значительным материалом о Казахстане, ему были известны обстоятельства, связанные с присоединением отдельных районов Казахстана к России, материалы о культуре и быте казахов. В то же время его глубоко возмущали нищета и бесправие, в которых по воле самодержавия и местных феодалов находился казахский народ. Пестель считал, что казахи, располагая обширнейшими и плодороднейшими землями, тучными пастбищами, должны наряду со скотоводством заниматься земледелием, переходить к оседлому образу жизни. Именно в этом декабристы видели возможность для казахского народа выйти из состояния невежества и бесправия.

Движение декабристов было разгромлено, пятеро лучших из них казнены, сотни отправлены в ссылку в далекую Сибирь, в Казахстан. Но дело декабристов нашло отклик в сердцах и душах современников. Эхо событий, развернувшихся в Петербурге, докатилось и до далеких колониальных окраин России, какими были Сибирь и Казахстан. Здесь в начале XIX в., особенно в городах, сложилась своя общественная среда, была сосредоточена интеллигенция, администрация края, жили на поселении ссыльные, стояли крупные воинские гарнизоны. Эта среда была очень пестрой по составу. Наряду с убежденными сторонниками колониальной политики царизма она

содержала в себе представителей прогрессивного толка, живших заботами о нуждах местного населения, посвятивших себя изучению края, — они сочувственно относились к идеям и делу декабристов. С созданием в Сибири и Казахстане целого ряда учебных заведений в городах стала появляться и местная казахская интеллигенция, с интересом прислушивавшаяся к новым веяниям, идущим из России. Что же касается основной массы кочевого населения, то в начале XIX в. идеи общественной жизни, волновавшие страну, находили здесь лишь слабый отклик.

Казахстан для большинства декабристов был как бы перевалочным пунктом на пути следования в Сибирь, так как только незначительное число ссыльных осело в Казахстане. Несколько лет провели в казахских степях декабристы М. Муравьев-Апостол, С. Палицын, С. Семенов. В Оренбургской губернии после ссылки осели на поселение декабристы Р. С. Горожанский, Н. О. Красницкий, А. Жемчужников, Н. Г. Смирнов. Несмотря на кратковременность пребывания декабристов в Казахстане, их влияние на прогрессивную часть местного общества было огромным и оказало благотворное действие на развитие здесь свободлюбивых идей, критической оценки колониаторской политики царизма, способствовало укреплению зародившихся братских чувств и дружбы между русским и казахским народами. О глубоком следе, оставленном декабристами в общественной жизни Сибири и Казахстана, правдиво говорит ученый и публицист Н. М. Ядринцев: «Нечего говорить, что в сибирских городах они были просвещеннейшими людьми и оставили след повсюду. Через них в окружающее общество проникали европейские сведения и новости, они знакомили лиц из туземцев с просвещением и нередко оказывали влияние в разных сферах, где соприкасались»¹.

Как практический результат отклика в Казахстане на восстание декабристов можно рассматривать деятельность Оренбургского тайного общества в середине 20-х годов XIX в. Взгляды членов этого общества в целом во многом соответствуют идеям декабристов, что подчеркивало общность дум и чаяний всех передовых умов России.

Восстание декабристов было толчком к дальнейшему приобщению общественности Казахстана к всероссийско-

¹ Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб, 1892, стр. 628.

му освободительному движению. В 30-х годах XIX в. Казахстан становится местом ссылки участников польского восстания 1830—1831 гг. В лице поляков Казахстан получил уже более опытных и активных революционных борцов. Вопреки воле царской администрации, разгигавшей межнациональную рознь, происходило постепенное сближение ссыльных поляков с казахским населением. Большинство польских ссыльных было образованнейшими и культурными людьми своего времени и деятельно включались в работу администрации края. По долгу службы они находились в тесном контакте с населением казахских аулов. Казахи, гостеприимные по своей природе, доброжелательно относились к польским ссыльным, оценили их стремление сблизиться с местным населением, узнать его язык, сложность кочевого быта, культуру. Например, польский революционер Сигизмунд Сераковский — бывший студент Петербургского университета, человек большой эрудиции, знавший восточные языки, — выучил в ссылке казахский язык, много времени уделял общению с простыми казахами, изучил край, его природные возможности.

Значительную исследовательскую работу проводили в Казахстане Залесский, Янушкевич, Виткевич, Венер. Результатом их длительных путешествий по казахской степи и изучения жизни казахского народа стали научные труды о Казахстане. Очень ценные дневники с воспоминаниями о поездках по Казахстану, о встречах его с населением оставил польский революционер-демократ Адольф Янушкевич. О тлубоком уважении к казахскому народу, вере в его светлое будущее говорит следующая запись в его «Дневнике»: «И это люди, которым вовеки предназначено быть только пастухами, лишенными всякого иного будущего? О, нет! Ни в коем случае! Народ, который одарен творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в киргизские пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда нынешний кочевник займет место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз».

Ссыльные поляки принимали участие в многочисленных экспедициях по степи, являлись членами местных научных обществ, помогали обрабатывать материалы для музеев и организовывать в них коллекции и экспозиции. Они глубоко интересовались казахским фольклором, а

также сами пытались заниматься литературной деятельностью. Оторванные от родной среды, от революционных традиций своего народа, поляки пытались продолжать борьбу и в ссылке. Интересуясь злободневными политическими вопросами, они хотели привлечь внимание к этим проблемам и в местной среде. Через поляков в Казахстане распространялись нелегальная литература, прокламации.

И казахский и польский народы несли тяжелое бремя колониального гнета со стороны царского самодержавия. Общность во многом их судеб определила зарождение взаимопонимания между лучшими сынами польского народа, сосланными в Казахстан, и казахским народом. Именно здесь нужно искать истоки добрых дружеских чувств между двумя народами.

В Казахстане отбывали ссылку активные участники кружка Петрашевского. Здесь пробыл девять лет (1850—1859 гг.) талантливый поэт А. Н. Плещеев. Он служил рядовым солдатом в Оренбургском линейном батальоне, но тяготы службы не помешали ему тесно сблизиться с группой ссыльных поляков, подружиться с Сигизмундом Сераковским и Брониславом Залеским, воспитанными на демократических традициях польской культуры. Они познакомили его с Тарасом Григорьевичем Шевченко. Собираясь вместе, друзья обсуждали волновавшие их вопросы о судьбах русского крестьянства, об уничтожении крепостного права, о борьбе русского народа за свое освобождение от социального гнета, о неразрывной связи этой борьбы с борьбой угнетенных царизмом народов, в том числе и казахского.

А. Н. Плещеев стремился как можно ближе познакомиться с простым народом Казахстана. Во время трудных походов против кокандцев он высоко оценил трудолюбие, открытую и щедрую душу казахов, присылавших в трудные, морозные зимы замерзающим солдатам юрты, бескорыстно помогавших военным отрядам строить укрепления, изучать топографию казахского края, сооружать специальные знаки, когда в Казахстане были проведены административно-политические разделы и край получил областное, дистанционное и волостное устройство. Пребывание Плещеева в Оренбургском крае, его дружба с казахами способствовали привлечению внимания передовых слоев местного общества к идеям, которые нес с собой ссыльный петрашевец.

С. Ф. Дуров, активный член кружка Петрашевского, принес в Казахстан демократические идеи петрашевцев, западноевропейские и русские социально-политические идеи и свой революционный опыт. К Дурову тянулись все прогрессивные умы Сибири и Казахстана, учились у него преданности революционному делу. Но Дуров был не только прекрасным учителем. Оказавшись в новой для него обстановке, в новой среде, он многому учился сам. Глубокий интерес к казахскому народу, его судьбе заставил Дурова задуматься о причинах, которые держали казахский народ в плену невежества и отсталости. Он считал, что выходом из этого положения является уничтожение колониального гнета, сочетавшегося с феодальным угнетением трудящихся масс, и видел, что «путь к экономическому, социальному и культурному прогрессу для народов Востока лежит через приобщение их к демократической культуре великого русского народа и через переустройство их общественной жизни на демократических началах»¹.

Петрашевцы несли идеи революционной демократии в Казахстан, способствовали пробуждению этой далекой национальной окраины царской России, вовлекали ее в русло общероссийского освободительного движения.

Значительную роль в приобщении казахского народа к передовой русской демократической культуре сыграл Тарас Григорьевич Шевченко, великий певец украинского народа. Он вышел из народа, жил с народом и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан. За принадлежность к тайной политической организации «Кирилло-Мефодиевское общество», основанной в Киеве в 1846 г., он был сослан в Оренбургскую губернию, где начал службу простым солдатом. Здесь он подружился с образованными людьми (братья Ф. М. и М. М. Лазаревские, С. Левицкий и др.), познакомился с их передовыми взглядами, от них же получил первые сведения о Казахстане. Из Западного Казахстана он был переведен в Орск, где полностью изведal всю «прелесть» бессмысленной солдатской муштры. Малейшая оплошность при проведении строевых занятий влекла за собой тяжелые последствия. Действующим по указке Николая I царские власти запретили Шевченко рисо-

¹ Х. М. Адильгереев. Ч. Ч. Валиханов. Алма-Ата, 1958, стр. 12—13.

вать и писать. В тяжелых условиях ссылки это вызвало у него неимоверные страдания. После одиннадцатимесячного пребывания в Орске Шевченко по просьбе исследователя А. И. Бутакова был включен в экспедицию, задачей которой было изучение Аральского моря. Не говоря уже о том, что в экспедиции поэт был избавлен от солдатской муштры, он оказался среди крупных деятелей и образованнейших людей той эпохи. Они отличались передовыми взглядами, хорошо понимали и правильно ценили талант Т. Г. Шевченко. Так, крупный русский географ А. И. Макшеев предложил Шевченко свою войлочную кибитку и свой стол во время следования на Аральское море. Макшеев знакомил Шевченко с событиями, связанными с присоединением Казахстана к России, свидетельствовавшими о том, что основная масса казахского народа сочувствовала и содействовала русским в борьбе с военно-феодальными государствами Кокандом и Хивой, а также с огромными переменами в крае в связи с этим процессом. Деятельность этой экспедиции и последующей за ней, организованной В. А. Обручевым для выявления угольных месторождений, была результативной. Шевченко много работал, делал зарисовки, писал. Но в Петербурге были недовольны таким отношением к Шевченко. А. И. Бутаков за поддержку ссыльного поэта попал в опалу, был взят под наблюдение III отделением и получил выговор со стороны высшего начальства. Шевченко сослали в Ново-Покровское укрепление.

В Ново-Покровском укреплении Шевченко посещал близлежащие казахские аулы, где наблюдал за жизнью и бытом казахской бедноты. Свои наблюдения он потом описал и отобразил в рисунках. Шевченко, например, описал обряд погребения у казахов Адаевского рода на полуострове Мангышлак, хорошо запечатленный в его рисунке «Далисмен молла аулие». С большой любовью и искренностью поэт отмечает поэтичность и духовное богатство, гостеприимство и наивную простоту казахов. Шевченко много лепил из глины. Главная тема — быт казахов. В это время он написал много рассказов на русском языке, девять из них сохранены для потомков. Правдиво и образно описал Т. Г. Шевченко жестокую эксплуатацию казахского народа со стороны «своих» и русских угнетателей. Возмущаясь по поводу грабежа населения, организованного царизмом, Шевченко в стихотворениях

выражал свои глубокие душевные симпатии к казахам. Особенно ярко и образно изображается их тяжелое и нищенское существование в обработанной Т. Г. Шевченко старинной народной легенде «У бога за дверью лежала секира» (1848 г.), воспроизведенной им в 1855 г. в поэтической повести «Близнецы».

Особое место в формировании демократических идей в казахском обществе занимает А. И. Герцен. Ему принадлежат крылатые слова: «Две России с начала XVIII столетия стали враждебны друг против друга. С одной стороны была Россия правительственная, императорская... с другой — Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, обиженная, демократическая...»¹.

Популярность «Колокола» (газета, выпускаемая Герценом) и притягательность демократической мысли А. И. Герцена в Казахстане были значительны. Твердо веря в могучие революционные силы русского народа, Герцен пытался теоретически обосновать неизбежность и закономерность не только революционной борьбы народа, но и его полной победы над самодержавием и крепостничеством. Историческое призвание, великую историческую роль русского народа Герцен видел не только в борьбе за свободу своей Родины, но и в борьбе за освобождение других народов. Анализируя как русскую, так и всеобщую историю, он прежде всего останавливался на степени участия народа в тех или иных исторических событиях. Он считал первым и необходимым условием освобождения народов Российской империи, в том числе и казахов, и их последующего объединения полное освобождение русского народа.

Рассматривая историю народов главным образом с точки зрения возможности объединения их в единый революционный союз для совместной борьбы против социального и национального гнета, А. И. Герцен особо останавливался на истории Польши. В то же время его интересовала судьба народов и таких национальных окраин, как Кавказ, Средняя Азия, Казахстан, их экономическое и политическое состояние, положение местного населения. Популярность «Колокола» в Казахстане объясняется тем, что он откликался на наиболее злободневные события в крае, о которых писали Герцену мест-

¹ А. И. Герцен. Избранные философские произведения. М., 1948, стр. 61.

ные корреспонденты Н. В. Ханьков, М. И. Венюков, Н. Авдеев. Со всей страстностью Герцен разоблачал и клеймил позором царских палачей, угнетавших казахский народ. С возмущением сообщал «Колокол» 15 ноября 1858 г. (стр. 231) о зверствах царских отрядов над казахами во время разгрома восстания Исета Кутибарова: «Аугсбургская газета» рассказывает о страхе, навешенном на крестьян Оренбургской губернии распространившимся слухом о киргизском восстании и набеге. И через несколько дней та же газета говорит об амнистии Исету Кутибарову. Жаль, что она не сообщила страшной истории, — почему Исет Кутибаров откочевал к Хивинской границе. Со времени ветхозаветных войн или монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузьмина (Кузьминского. — Авт.) и майора Дерышева».

А. И. Герцен осуждал также попытки правительства свести до минимума возможности казахской молодежи получить образование, введение всевозможных ограничений в деле просветительства нерусских народов. Статьи в «Колоколе» освещали различные стороны жизни казахской степи, отмечали злоупотребления колониальных властей, взяточничество, грабеж местного населения при сборе кибиточной подати, усиление его эксплуатации и жестокое подавление выступлений народа против колониального и национального порабощения.

Важным условием защиты интересов отдельных народов А. И. Герцен считал дальнейшее развитие национальной культуры и просвещения широких масс на родном языке.

Основной вывод А. И. Герцена по национальному вопросу состоял в том, что как в вопросе самоопределения, так и в вопросе объединения в свободный союз народы сами должны решать свою судьбу. Первым шагом к будущему союзу свободных народов Герцен считал их самоопределение и независимость. Вместе с тем, высказывая по национальному вопросу ряд верных положений, Герцен допускал ошибки. В частности, он почти упускал из виду вопрос об экономике того или иного государства, об экономических интересах народов при объединении или самоопределении.

Идеи А. И. Герцена и других русских революционеров-демократов не только раскрывали перед всеми угне-

тенными народами благородные идеалы русского народа, но и помогали передовой части общества найти правильный путь в борьбе за светлое будущее. Неослабевающий интерес Герцена к Казахстану, сотрудничество в его «Колоколе» местных корреспондентов, злободневность вопросов, вокруг которых разгоралась борьба между защитниками крепостничества и самодержавия и новым поколением революционеров, способствовали подъему общественного настроения в крае, дальнейшему распространению передовых революционно-демократических идей. На этих идеях были воспитаны и первые казахские просветители Ч. Валиханов, А. Кунанбаев, И. Алтынсарин.

В условиях начавшегося разложения феодально-патриархальных отношений, в тяжелых условиях царской колонизации и национальной раздробленности казахские просветители вслед за А. И. Герценом и другими революционерами-демократами решительно осудили строй насилия, эксплуатации, родовые междоусобицы, боролись с отсталостью страны, звали народ к просвещению, единению, укреплению связей с передовыми кругами России, к освоению передовой русской культуры. Непосредственное проникновение в Казахстан через представителей русской революционно-демократической мысли передовых идей русских революционеров-демократов пробуждало в казахском обществе новые творческие силы.

В сложном процессе ломки старого и постепенного роста нового казахские просветители-демократы руководствовались идеями своих учителей — русских революционеров-демократов, звали к всестороннему развитию русско-казахского содружества. Они понимали, что только укрепление связей с русским народом, народом Пушкина и Лермонтова, Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова, создаст условия для освобождения от колониального гнета. Казахские просветители-демократы, звавшие казахский народ к духовному сближению с русским народом, стали глашатаями прогрессивной культуры России.

Крупнейшим представителем общественной мысли Казахстана второй половины XIX в. был Ч. Валиханов. Революционно-демократическое движение, деятельность петрашевцев, русская культура оказали громадное влияние на формирование Ч. Валиханова. С детства, находясь

в Сибирском кадетском корпусе, он уже получил представление о передовой русской культуре. Учебное заведение, где учился Чокан, по мнению И. Завалишина, было рассадником просвещения и патриотизма. Здесь с увлечением читали произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Образованные и передовые учителя — Костылевский, Гонсевский, Ждан-Пушкин, Лобазовский — знакомили своих учеников с идеями В. Г. Белинского, помогали стать им глубоко образованными людьми, знавшими русский язык, интересовавшимися литературой, общественной жизнью.

Дружба с представителями омской интеллигенции во главе с Гутковским, известным ученым, исследователем Азии П. П. Семеновым-Тяньшанским, Г. Н. Потаниным, встречи и научные связи с учеными Д. И. Менделеевым, А. Н. Бекетовым, Н. М. Ядринцевым, Е. П. Ковалевским, общение с поэтом А. Майковым, братьями Курочкиными, дружба с Н. Г. Чернышевским, Ф. М. Достоевским, С. Ф. Дуровым показывают разносторонний характер связи Ч. Валиханова с научной и культурной общественностью России. Общение Валиханова с прогрессивными общественными деятелями, изучение произведений передовой демократической мысли, знакомство с научной литературой формировали личность просветителя казахского народа, делали его убежденным сторонником демократических идей лучших сынов России. В свою очередь русские высоко ценили научные работы Валиханова. Русские ориенталисты, и среди них Н. Веселовский, считали Валиханова феноменальным явлением. В 1904 г. основные работы Валиханова были опубликованы Н. Веселовским.

Активную деятельность в области народного образования развернул в Казахстане первый казахский педагог Ибрай (Ибрагим) Алтынсарин (1841—1889 гг.). Он был одним из самых ярких выразителей прогрессивного течения казахской общественной мысли во второй половине XIX в. Мироззрение Алтынсарина характеризуется народностью, демократичностью и гуманизмом. Вся плодотворная деятельность его была посвящена просвещению казахского народа и приобщению его к прогрессивной русской культуре. Классик казахской педагогики, крупнейший политический, общественный деятель края, неутомимый поборник укрепления дружбы казахского и рус-

ского народов, Ибрай Алтынсарин пользовался большой популярностью и любовью у своего народа. Его деятельность протекала в обстановке жестоких преследований и полицейского надзора, но он всегда утверждал, что не отступится от своих коренных убеждений и стремлений быть полезным своим родичам, насколько хватит сил. Идея народности, столь характерная для русского просветительства, у Алтынсарина сочеталась с борьбой за просвещение казахского народа, за широкое и всестороннее использование для этих целей знаний, опыта и культуры русского народа. Он жил в ту пору, когда нести свет знаний обездоленным и угнетенным считалось крамольным делом, бунтом.

Большой исторический смысл просветительской деятельности И. Алтынсарина состоит в том, что он отдал очень много сил созданию массовой школы в казахской степи. Открывая первые в крае русско-казахские школы, Алтынсарин вырывал таким образом народное просвещение из рук религиозных мракобесов. Он впервые применил русский алфавит, на котором писал свои учебники. Язык просветителя был прост, ясен и доступен. Передовая казахская молодежь видела в Алтынсарине, как писали тогда в «Оренбургском листке», «героя, прямо восставшего против фанатизма и невежества, заставляющего казахов просвещаться, вступать в новую жизнь». Придавая особое значение подготовке квалифицированных кадров для промышленности, он предпринял практические шаги для открытия ремесленных училищ, ввел в русско-казахских школах преподавание конкретных знаний. Ему принадлежит идея организации первых русско-казахских школ. Ему удалось создать начальную и среднюю школу — совершенно новый тип учебных заведений в Казахстане. Им было создано четыре училища по типу двухклассных центральных учебных заведений с шестигодичным сроком обучения. Эти училища явились подлинными очагами культуры, помогли кочевому казахскому населению познакомиться с грамотой, ремеслами.

При создании казахско-русских школ и специальных училищ И. Алтынсарин встретился с большими трудностями, отсутствием нужных учебных пособий. С помощью русских педагогов, его друзей, ему удалось составить учебник «Киргизскую хрестоматию» на русском алфавите. В этой книге в популярной форме говорилось о необ-

ходимости перехода казахов к оседлой жизни, земледелию, рассказывалось о наиболее известных научных и технических открытиях.

И. Алтынсарин был одним из образованнейших и культурнейших людей своего времени. Он много учился и занимался самообразованием, изучал произведения классиков русской и зарубежной литературы — Гете, Байрона, Шекспира, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Навои, Фирдоуси, Низами. Дружба с учителем-востоковедом В. Григорьевым, громадный интерес к педагогическому наследию К. Д. Ушинского помогли Алтынсарину увидеть путь экономического прогресса Казахстана; приобщение его к передовой экономике и культуре России. Будущее и счастье казахского народа он видел в единении с Россией. Выдающийся педагог не стремился к механическому насаждению русского языка, русской письменности среди казахов в ущерб национальному языку. Отдавая должное русскому языку как основному, по его словам, средству приобретения знаний, Алтынсарин высоко ценил свой родной казахский язык и сделал много для его развития. Он, как и выдающиеся русские педагоги К. Д. Ушинский, И. Н. Ульянов и другие, считал, что только хорошо зная свой язык, только с помощью родного языка казахские дети смогут изучить и понять русский язык. После смерти Алтынсарина Н. И. Ильминский опубликовал его письма, деловые документы и свои воспоминания о нем, имеющие исключительно важное значение для науки¹.

Крепкие узы дружбы связали с Россией и великого казахского поэта-классика Абая Кунанбаева (1845—1904 гг.). Общественно-просветительские взгляды Абая формировались под влиянием устного народного творчества, прогрессивных традиций классической восточной литературы, а также глубокого интереса к творениям передовой русской культуры, знакомства с передовой демократической интеллигенцией 60-х годов XIX в. и дружбы с политическими ссыльными, значительное число которых сосредоточилось в этот период в казахских степях. Абай очень близко сошелся с политическим ссыльным Е. П. Михаэлисом, последователем русского

¹ Н. И. Ильминский. Воспоминания об Алтынсарине. Казань, 1891.

публициста И. Щедрина. Благодаря Михаэлису Абай познакомился с творениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Близкими друзьями Абая были польский революционер Северин Гросс и революционер-народник Нифонт Долгополов. Благодаря им Абай познакомился с традициями революционно-освободительного движения в России. Вместе с тем друзья Абая учились у него глубокому знанию прошлого своего народа, его экономики, быта, культуры. Абай четко различал две России — Россию крепостников и Россию свободолюбивого народа и ее лучших прогрессивных сынов.

Деятельность Валиханова, Алтынсарина, Абая помогла передовым представителям казахского народа приобрести к мировой и русской культуре и способствовала ее распространению в среде местного населения. Казахские просветители подняли знамя борьбы за русско-казахское содружество, против отживающих устоев жизни кочевого населения, против реакционной феодально-байской идеологии. Ограниченные условиями исторического бытия, во многом не преодолевшие противоречий в системе своих социально-политических воззрений, казахские просветители были выдающимися деятелями, страстными защитниками интересов родного народа. Самый факт появления замечательной плеяды казахских просветителей свидетельствовал, что единение Казахстана с Россией уже тогда начало давать прекрасные плоды.

Идеи русской демократической культуры, которую олицетворяли декабристы, петрашевцы, ссылки поляки, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, воздействовали на формирование взглядов и творческой деятельности казахских просветителей, они послужили той почвой, на которой взошли и окрепли истоки дружбы казахского и русского народов, зародившейся еще со времени присоединения Казахстана к России. Создались реальные предпосылки слияния национально-освободительного движения с общероссийским революционно-демократическим, а затем всероссийским пролетарским революционным движением. Традиции сочетания национально-освободительного движения на окраинах России с революционной борьбой трудящихся всей страны привели к совместному выступлению казахского народа с на-

родами России в буржуазно-демократической революции 1905 и 1917 гг. и в Великой Октябрьской социалистической революции, породившей условия для подлинного расцвета всех творческих возможностей ранее угнетенных народов, в том числе и казахского народа.

Басин В. Я. и др.

«Истоки великой дружбы». Алма-Ата, 1969.

40 с. (Об-во «Знание» КазССР). Перед. загл. авт.: В. Я. Басин,
Н. Е. Бекмаханова, Э. И. Герасимова.

**Басин В. Я., Бекмаханова Н. Е., Герасимова Э. И.
«ИСТОКИ ВЕЛИКОЙ ДРУЖБЫ»**

Ответственный за выпуск реферант Э. В. Северская.

Редактор *Д. М. Глазырина.*
Техн. редактор *М. В. Злобин.*
Корректор *Т. И. Почтенная.*

Сдано в набор 31/III 1969 г. Подписано в печать 23/VI 1969 г.
Формат бумаги 84×108/32 — 1,25—2,1 п. л. (2,0 уч.-изд. л.).
УГ02694. Тираж 7600 экз. Цена 6 коп.
Общество «Знание» КазССР, Алма-Ата, ул. К. Маркса, 117.

Зак. № 2869. Типография № 18 Главполиграфпрома Госкомитета
Совета Министров Казахской ССР по печати, г. Алма-Ата,
ул. М. Тулебаева, 16.